

Твен Марк

Приключения Тома Сойера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Марк Т.**
Приключения Тома Сойера / Твен Марк – М.: Книга по Требованию, 2023. – 287 с.

ISBN 978-5-519-76391-2

ISBN 978-5-519-76391-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Ай! гляньте-ка, тетя, назад!

Старуха испуганно повернулась на каблуках и приподняла свои юбки, чтобы спастись от грозящей беды, а мальчишка пустился бежать, вскарабкался на высокий досчатый забор — и был таков!

Тетя Полли с минуту не могла опомниться от удивления, потом засмеялась негромко.

— Ах, чтоб ему! Ну и мальчишка! Да неужто я так-таки никогда не поумнею? Или мало он еще дурачил меня? Но, видно, старый дурак всех дураков глупее. Недаром говорится, что старую собаку новым штукам не выучишь. Впрочем, у него и штуки все разные: что ни день, то другая, — разве тут догадаешься, что у него на уме? Он будто знает, до каких пор он может мучить меня безнаказанно, а когда я наконец рассержусь, он сейчас же умчится прочь, или рассмешит меня каким-нибудь вздором, и гнев у меня сразу остынет, и рука не поднимается хорошенько проучить его розгой. А я долга своего не исполняю, и да простит меня бог. Кто обходится без розги, тот губит ребенка, говорит хорошая книга.¹ Я жэ, грешная, балую его, и за это влетит нам обоим. Знаю, что голова у него полна всякой дури. Но что же мне делать? Ведь, он сын моей покойной сестры, бедный малыш, и у меня духу нехватает отстегать его розгой! Всякий раз, как я дам ему увильнуть от наказания, меня так мучает совесть, что и сказать не умею, а накажу — мое старое сердце прямо разрывается от жалости. Верно, верно сказано в писании: век человеческий краток и полон скорбей. Ну, да ладно! Сегодня он сбежал от уроков и в класс не пошел: будет лодырничать от обеда до вечера, а завтра мне придется наказать его — засадить за трудную работу.

¹ Старуха имеет в виду Библию, в которой говорится, что бог велел при воспитании детей наказывать их розгами.

Жестоко заставлять его работать в воскресные дни, когда у всех мальчиков праздник, но ничего не поделаешь: работу он ненавидит больше всего, а мне надо же когда-нибудь исполнить свой долг, не то я сгублю малыша.

Том, действительно, весь день бил баклуши и очень весело провел время. Он вернулся домой как раз кстати, чтобы помочь негритенку Джиму напилить на завтра дров и наколоть растопку для ужина или (говоря более точно) рассказать ему свои приключения. Младший брат Тома, Сид (не родной брат, а сводный), к этому времени уже справился со своей работой (ему было приказано собрать стружки и щепки), потому что это был послушный тихоня, который никогда не проказничал и не доставлял неприятностей старшим.

Пока Том уплетал свой ужин, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы стянуть кусок сахара, тетя Полли задавала ему разные вопросы, полные глубокого коварства, надеясь, что он попадет в расставленные ею ловушки и проболтается. Подобно многим простодушным людям, она не без гордости считала себя тонкой дипломаткой и видела в своих наивнейших замыслах чудеса лукавства.

— Том, — сказала она, — сегодня в школе было, должно быть, порядочно жарко?

— Да, 'м.¹

— Страшно жарко, не правда ли?

— Да, 'м.

— А не захотелось ли тебе, Том, искупаться в реке?

Тому почудилось что-то недоброе, — легкое облако подозрения и страха коснулось его души. Он пытливо посмотрел в лицо тети Полли, но оно ничего не сказало ему. И он ответил:

¹ «М» — первая и последняя буква слова «мэдам», которое означает «сударыня».

— Нет, 'м... не особенно.

Старуха протянула руку и пощупала у Тома рубашку.

— Но все же, — сказала она, — ты, оказывается, не очень вспотел.

И она с гордостью подумала, как ловко удалось ей обнаружить, что рубашка у Тома сухая: никому и в голову не пришло, какая хитрость была у нее на уме. Том, однако, уже успел сообразить, куда дует ветер, и предупредил дальнейшие расспросы:

— Наши мальчики подставляли голову под насос — освежиться. У меня волосы до сих пор мокрые. Видите?

Тетя Полли была раздосадована: как могла она упустить такую важную улику? Но тотчас же ее осенила новая мысль.

— Том, ведь, чтобы подставить голову под насос, тебе не пришлось распороть воротник рубашки в том месте, где я зашила его? Ну-ка, расстегнись!

Тревога сбежала у Тома с лица. Он распахнул куртку.
• Воротник рубашки оказался крепко зашитым.

— Ну, хорошо, хорошо. Ступай! А я была уверена, что ты и в школу не ходил и купался. Ладно, я не сержусь на тебя: ты хоть и порядочный плут, но все же иногда бываешь лучше, чем можно подумать.

Ей было досадно, что ее мудрость не привела ни к чему, и в то же время приятно, что отныне Том вступает на путь послушания.

Но тут вмешался Сидди.

— Что-то мне помнится, — сказал он, — будто вы зашивали ему воротник белой ниткой, а тут, поглядите, черная.

— Да, я зашила белой!.. Том!..

Но Том не стал дожидаться продолжения этой беседы и, убегая из комнаты, крикнул:

— Ну и вздую же я тебя, Сидди!

Укрывшись в надежном месте, он осмотрел две большие иголки, заткнутые за ворот куртки и обмотанные нитками. Одна была обмотана черной ниткой, а другая — белой.

— Она бы и не заметила, если б не Сид. Впрочем, и она хороша; то у нее черная нитка, то белая. Уж шила бы какой-нибудь одной, а то поневоле собьешься... А Сидая все-таки вздую, — чорт меня возьми, если не вздую.

Том не был примерным мальчиком, таким, которым мог бы гордиться весь город. Зато он отлично знал, кто был примерным мальчиком, и ненавидел его.

Впрочем, через две минуты — и даже скорее — он позабыл все невзгоды. Не потому, чтобы они были для него менее тяжки и горьки, чем невзгоды, обычно мучающие взрослых людей, но потому, что в эту минуту его захватила новая великая забота и вытеснила их из его головы. Точно так же и взрослые люди забывают все свое горе, едва только их увлекут какие-нибудь новые замыслы.

Тома в настоящее время увлекла одна прелестная новинка: он научился у знакомого негра свистать каким-то особенным способом, и ему давно уже хотелось поупражняться на свободе в этом деле. Негр свистал по-птичьи. У него получалась великолепная трель, для чего нужно было часто-часто дотрагиваться языком до нёба. Читатель, вероятно, помнит, как это делается, — если только он когда-нибудь был мальчиком. Настойчивость и усердие помогли Тому быстро овладеть новым искусством.

Он весело зашагал по улице, и рот его был полон сладкой музыки, а душа была полна благодарности. Он чувствовал себя как астроном, открывший в небе новую планету, но радость его была непосредственнее, полнее и глубже.

Летом вечера длинные. Было еще светло. Вдруг Том перестал свистать. Перед ним стоял незнакомец, чуть побольше его самого. Всякое новое лицо любого пола и

любого возраста всегда вызывало общий интерес в маленьком убогом городке Санкт-Петербурге.¹ К тому же мальчик был прекрасно одет, — прекрасно одет в будничный день! Это было прямо поразительно! Очень изящная шапочка, аккуратно застегнутая синяя суконная куртка, новая и чистая, и такие же брюки! На ногах башмаки, даром что сегодня еще только пятница. У него был даже галстук — очень яркая лента. Вообще, он имел вид городского франта, нестерпимо раздражавший Тома. Чем больше Том глядел на это дивное диво, тем беднее казался ему его собственный жалкий костюм, и тем выше задирали он свой нос, показывая, как ему противны такие щегольские наряды. Оба мальчика не сказали ни слова. Стоило одному сделать шаг, делал шаг и другой, — но только в сторону, вбок, по кругу. Лицо к лицу и глаза в глаза, — так они стояли очень долго. Наконец Том сказал:

— Я могу тебя поколотить.

— А ну-ка, попробуй.

— Могу — и поколочу!

— Нет, ты не можешь.

— Нет, я могу.

— Нет, не можешь.

— Нет, могу.

— Не можешь.

— Могу!

— Не можешь!

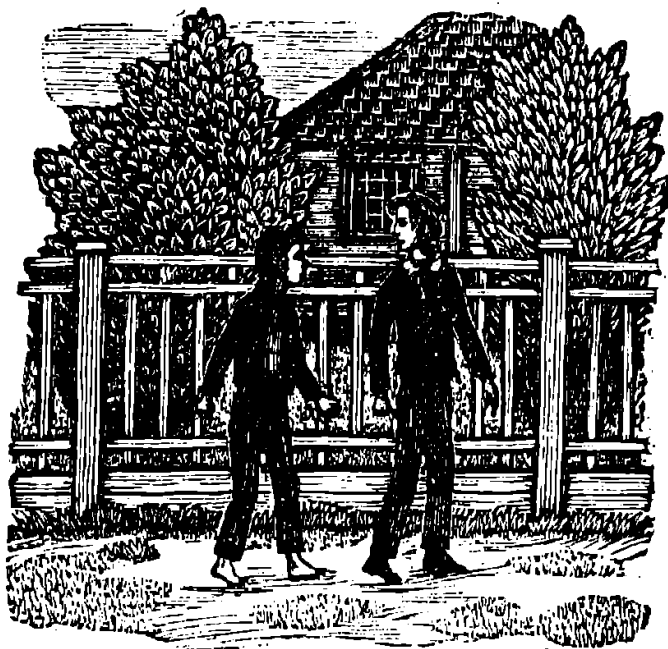
Зловещее молчание.

— А как тебя зовут? — наконец спросил Том.

— А тебе какое дело?

¹ Американцы любят давать своим мелким городишкам громкие названия столиц. У них есть несколько Парижей, три или четыре Иерусалима, Константинополя и т. д. Город, изображаемый в этой книге, они называли именем тогдашней русской столицы.

— Вот я покажу тебе, какое мне дело.
— Ну, покажи. Отчего ж не покажешь?
— Скажи еще два слова, и я покажу.
— Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе. Ну?
— Ишь какой ловкий! Да если бы я захотел, я мог бы вздуть тебя одною рукою, а другую пусть привяжут мне за спину.

— Почему же не вздуешь? Ведь, ты говоришь, что можешь.

— И вздую, если будешь ко мне приставать.

— Ай-ай-ай! видали мы таких!

— Думаешь, как расфуфырился, так уж и важная птица! Ой, какая шляпа!

— А ну-ка, попробуй сбить ее у меня с головы! Вот тогда и получишь от меня на орехи...

— Врешь!

— Сам ты врешь!

— Только стращаег, а сам трус!

— Ладно, проваливай!

— Эй, ты, слушай: если ты не уймешься, я оторву тебе голову!

— Как же! оторвешь! Ой! ой! ой!

— И оторву!

— Чего же ты ждешь? Почему ты все грозишься, а на деле и нет ничего? Трусишь, значит?

— И не думаю!

— Нет, трусишь!

— Нет, не трушу!

— Нет, трусишь!

Снова молчание. Пожирают друг друга глазами, топчутся на месте и делают новый круг.

Наконец они стоят плечом к плечу.

— Убирайся отсюда! — говорит Том.

— Сам убирайся!

— Не желаю.

— И я не желаю!

Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперед под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не дается ни тому, ни другому. Толкаются они долго, так что лица у них становятся разгоряченными, красными. Понемногу они ослабляют свой натиск, хотя каждый попрежнему остается настороже, и тогда Том говорит:

— Ты трус и щенок. Я скажу моему старшему брату. Он может отколотить тебя одним мизинцем. Я ему скажу, он отколотит.

— Очень я боюсь твоего старшего брата! У меня у самого есть брат, еще побольше твоего, и он может швырнуть твоего — вон через тот забор.

Оба брата были выдуманы.

— Врешь!

— Мало чего ты не скажешь!

Том большим пальцем ноги провел черту по пыли и сказал:

— Посмей только переступить через эту черту. Я так тебя вадую, что ты с места не встанешь. Горе тому, кто перейдет за черту.

Чужой мальчик тотчас же поспешил перейти за черту и сказал:

— Ну, посмотрим, как ты меня исколотишь.

— Отстань! Говорю тебе: лучше отстань!

— Да, ведь, ты же говорил, что побьешь меня. Отчего же не бьешь?

— Чорт меня возьми, если не побью за два цента!

Чужой мальчик вынул из кармана два больших медяка и с насмешкой протянул их Тому.

Том ударил его по руке, и монеты упали на землю.

Через минуту оба мальчика катались в грязи, свившись в клубок, как две кошки. Они дергали друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они щипали и царапали друг другу носы, покрывая себя пылью и славой. Наконец неопределенная масса приняла отчетливые очертания, и в дыму сражения стал виден Том, сидевший верхом на противнике и молотивший его кулаками.

— Проси пощады! — выговорил он.

Но мальчик старался высвободиться и громко ревел — больше всего от злобы.

— Проси пощады! — И молотья продолжалась.

Наконец чужой мальчик невнятно пробормотал: «перестань», и Том отпустил его на волю с таким наставлением:

— Это тебе наука. В другой раз будь умнее и гляди, кого задеваешь на улице.

Чужой мальчик побрел прочь, стряхивая пыль с костюма, всхлипывая, сопя носом, время от времени оборачиваясь, качая головой и грозя жестоко разделаться

с Томом в следующий раз, когда поймает его. Том отвечал насмешками, и направился к дому, гордый своей победой. Но только что он повернулся спиной к незнакомцу, тот запустил в него камнем и угодил ему между лопаток, а сам кинулся бежать, как антилопа. Том гнался за изменником до самого дома и таким образом узнал, где он живет. Постоял немного у калитки, вызывая врага на бой, но враг только строил ему рожи в окне, а выйти не пожелал. Наконец явилась мать врага, обозвала Тома гадким, испорченным, грубым мальчишкой и велела убираться прочь. Он ушел, но, уходя, сказал, что будет бродить поблизости и подстерегать того мальчика.

Домой в тот вечер он вернулся поздно и, когда влез осторожно в окно, очутился в засаде: перед ним стояла его тетка. И когда тетка увидела, что случилось с его курткой и штанами, ее решимость превратить его праздник в неволю и каторжный труд стала тверда, как алмаз.

Г Л А В А II

Воскресное утро пришло, и летняя природа засияла — свежая, кипящая жизнью. В каждом сердце зазвенела песня, а если это сердце было молодо, из уст изливалась музыка. Радость была на каждом лице, всякий шагал как на крыльях.

Белые акации стояли в цвету, и благоухание наполняло воздух. Кардифская гора, что возвышалась над городом, зазеленела растительностью. Она находилась как раз на таком расстоянии, чтобы казаться Обетованной страной — заманчивой, безмятежной, мечтательной.

Том вышел на улицу с ведром известки и длинной кистью. Он окинул взглядом забор, и в одно мгновение окружающая природа утратила всю веселость, и в сердце

у него водворилась тоска. Тридцать ярдов¹ широкого забора в девять футов вышины! Жизнь показалась ему бессмыслицей, существование — тяжелою ношею. Со вздохом обмакнул он кисть в известку и провел ею по верхней доске, повторил это еще и еще раз и остановился: как ничтожна белая полоска по сравнению с огромным континентом некрашеного забора! В отчаянии опустил он на кадку, где было посажено дерево. Из ворот выбежал вприпрыжку Джим с жестяным ведром, напевая песенку «Девушки Буффало». Носить воду из городского насоса всегда было для Тома ненавистным трудом, но сейчас он с радостью взялся бы за эту работу. Он вспомнил, что у насоса всегда собирается много народу: белые, мулаты,² чернокожие, мальчишки и девчонки в ожидании своей очереди отдыхают, ведут меновую торговлю игрушками, ссорятся, дерутся, балуются. Он вспомнил также, что, хотя до колодца было не более полутораэта шагов, Джим никогда не возвращался с ведром воды раньше как через час, да и то почти всегда кому-нибудь приходилось бегать за ним.

— Слушай-ка, Джим, хочешь, ты тут покрась немного, а я вместо тебя схожу за водою?

Джим покачал головой и сказал:

— Не могу, масса³ Том! Старая миссис велела, чтобы я шел прямо за водой и ни с кем не останавливался шалить на дороге. Она говорит: «Я уж знаю, — говорит, — что масса Том будет звать тебя белить забор, так ты его не слушай, а иди за своим делом». Она говорит: «Я сама, — говорит, — пойду смотреть, как он будет белить».

¹ Ярд — английская мера длины, немного короче метра (91,4 сантиметра).

² Мулаты — потомки от смешанных браков негров и белых.

³ Масса — испорченное английское слово мастер, т. е. барчук, молодой господин.